

Курков

Андрей

**ПРИЯТЕЛЬ
ПОКОЙНИКА**

CF FOLIO

Андрей Курков

Приятель покойника (сборник)

«Фолио»

Курков А. Ю.

Приятель покойника (сборник) / А. Ю. Курков — «Фолио»,

В книгу вошли два остросюжетных романа Андрея Куркова. В романе "Приятель покойника" главный герой ищет наемного убийцу, чтобы заказать... собственное убийство. Казалось бы, все предусмотрено. Однако последствия его решения оказались драматическими и неожиданными (а иначе у Куркова не бывает). Роман "Не приведи меня в Кенгаракс" – мистический триллер. Его герой, студент, нанимается сопровождать в вагоне таинственный груз, за которым начинается настоящая охота.

© Курков А. Ю.

© Фолио

Содержание

Приятель покойника	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	19
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	27
Глава 14	29
Глава 15	31
Глава 16	34
Глава 17	36
Глава 18	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Курков

Приятель покойника (сборник)

Приятель покойника

Глава 1

Если б я курил – было бы легче после каждого тихого, со стороны невнятного и непрочитываемого скандала выкуривать по несколько сигарет, и дым, никотин, становящийся на время не то чтобы смыслом или запахом жизни, но чем-то отвлекающим, как воскуриваемый в свою собственную честь фимиам, помогал бы мне в очередной раз увидеть в дальнейшем моем существовании радость. Но я не курил с детства и думал, что начинать курить в тридцатилетнем возрасте – это уже точно проявление детства или глупости.

Дождь никак не начинался. Вечерело. Жена закрылась в ванной, но это было обычным принятием ванны. Я тоже иногда закрываюсь в ванной, хотя с чего бы я должен стесняться своей жены? Вот тут и вопрос, проясняющий причину, – мы давно уже далеки друг от друга. Вечером, ложась в постель, мы раздеваемся в темноте, а днем или при свете, принимая ванну, мы стесняемся своей наготы. Нагота здесь – это ранимость. Жена бы то же самое сказала. Но и я раним, и чаще всего раним ею. Мы уже не говорим об этом, хотя раньше пытались все выяснить и улучшить словами.

Казалось бы – осень, время уходящего тепла, начало сезона сохранения прошлого тепла во имя грядущей зимы, чтобы не замерзнуть. Время заклеивания окон и балконных дверей. Когда еще сама природа так способствует мыслям о восстановлении или укреплении уюта, физического и душевного. Но что сентябрь для нас? ничего. Мы молчим, разговариваем междометиями. Каждый сам для себя варим кофе и жарим яичницы.

Пора было это заканчивать. Уйти некуда – однокомнатную квартиру пополам не поделишь.

О любви прыгать с вышки в воду вспоминалось всякий раз при выглядывании из окна нашего восьмого этажа. Но это не давало необходимого импульса для прыжка. Я не был рожден самоубийцей. Жизнь вне, за пределами моего быта, мне очень нравилась. С каким-то легким замиранием в груди я проходил иногда вечером по Крещатику, пытаюсь разглядеть лица вечерних девушек, ожидающих клиентов на скамеечках или у фонтана под кинотеатром «Дружба». В полумраке, в искусственном городском освещении они выглядели привлекательно, как изящно нарисованные, многообещающие силуэты, обычно бросающие какой-то карандашный взгляд с книжных мелодраматичных форзацев и обложек. Я легко представлял себя их клиентом или даже приближенным, другом. Но представлять себя – это еще далеко не быть. Мне многого не хватало – решительности, денег, свободы. Но они, как первая ласточка сошедшего с экрана американского образа жизни, дарили надежду на то, что и другие сладкие американские картинки оживут и замельтешат вокруг меня, тут, в Киеве. И я окажусь захваченным этим мельтешением, постепенно превращающимся в жизнь и вытесняющим жизнь прошлую, во всем временную и надоевшую каждой своей деталью, каждой составной частью, каждой газетной статьей, подробно ее же описывающей.

Глава 2

Будучи студентом иняза, я любил дружить с иностранцами. От них я учился и языкам, и какому-то другому пониманию жизни. Они так отличались от нас, как может отличаться белый гриб от ежика. Внутреннее наше различие могло сравниться лишь с каким-либо явным внешним, вроде вышеприведенного примера. У них было другое детство, другие игры. Они мне и рассказали об одной игре, которая в какой-то момент завладевает уже не первым и не десятым поколением детей, не знавших советского детства. Игра простая – надо составить цепочку из знакомых, которая выведет тебя, к примеру, к королеве Англии или к Маргарет Тэтчер – она в то время была более актуальна. Выходило, что почти каждый играющий мог через трех-четырёх связанных между собой и с ним людей выйти на английского премьер-министра. Принцип до смешного простой – я знаю его, он знает ее, она знает еще кого-то, кто лично знаком с Ним или с Ней. Я пробовал тогда сделать то же самое и выйти таким образом на Брежнева или на Щербицкого. Не получалось. Цепочка просто не начиналась. И вот теперь вдруг, должно быть, из-за отчаянности моей жизни и моего быта, я понял, как надо играть в эту игру здесь, на нашей земле. Надо искать выход на убийц. Их много, они среди нас и некоторые из них особенно и не скрывают род своих занятий. Лет десять назад я знал как минимум двоих, уже отсидевших свое убийц – нормальных, общительных и даже готовых прийти на помощь. Правда, тогда они, убийцы, были другие – в них было больше романтики. Сейчас любые отношения строятся на деньгах и убийство стало для некоторых хорошо оплачиваемой профессией. Даже слово новое привнесли из английского – киллер. Это было похоже на продолжение американской традиции улучшения имиджа и названия неквалифицированных и непрестижных профессий. Помню, что уборщика улиц, или попросту – дворника – в Америке переименовали в инженера по санитарному состоянию городской среды. Но там причина для этого переименования была проста и понятна – придать дворникам больше самоуверенности и самоуважения. А у нас вышло по-другому. Просто получилось, что убийца высшей квалификации, работающий исключительно на заказах, получает звание киллера. Ну а тот, прошлый тип убийцы – бытовой, романтический – по пьянке и из ревности так и остается простым убийцей. Таких и ловят, и садят, в то время как киллер остается птицей неуловимой и невидимой.

Эти размышления сами вывели меня на вопрос, пытавшийся уже много раз достучаться из моего подсознания. Я ведь уже несколько лет искал выход из своей тупиковой жизненной ситуации. Но искал его больше в воображении, больше в своих фантазиях. А теперь выход напрашивался сам – выход не из ситуации, но из самой жизни. Для самоубийцы я был слишком жизнелюбив, но для жертвы я был то что надо. Прекрасный пример несправедливости судьбы: умный мужчина в расцвете сил и способностей да и еще убитый по чьему-то заказу! Репутация жертвы заказного убийства зашекотала мне нервы. Я представил себе, как будут озадачены мои многочисленные знакомые, сразу решив, что они обо мне практически ничего не знали, ведь тот я, который был им знаком, с которым они пили вино и кофе, не мог и не должен был быть замешан в дела, за которыми следуют «разборки» или заказные убийства. Я представил себе, как всех их будет вычислять уголовный розыск, допрашивать, задавая десятки «крутых» вопросов. «У него были враги?», «Чем он занимался?», «Кто мог быть заинтересован в его смерти?» и так далее. Оставалось найти недорогого киллера, деньги на его гонорар, и уж тогда спланированное мною идеальное убийство станет очередной из неразрешимых загадок. Эффектный конец бестолковой жизни меня прельщал. А у загадочных убийств есть еще одна привлекательная черта – о них часто вспоминают и в газетах, и в книгах, вспоминают с подробностями и с именем жертвы – так что у меня будет реальный шанс остаться в памяти народной если не на века, то во всяком случае – надолго.

Глава 3

Осень запаздывала. Или у природы не хватало денег на красные и желтые краски, словно природа копировала печальное финансовое положение страны. Правда, стало прохладнее и по вечерам немного дождало. Но яркой картины увядания природы не получалось. Люди же увядали на глазах, а сам я – на собственных глазах в зеркале. Друзья звонили, чтобы сообщить, как им плохо. Я в ответ молчал, вынашивая, но скрывая от всех свою драгоценную идею идеального выхода из жизненного тупика.

Жена стала позднее обычного возвращаться домой, иногда за полночь. Раздевалась она в темноте и ложилась на свой край дивана под свое одеяло. Каждый ее приход будил меня и раздражал. А даже если и не будил, то раздражал еще сильнее. От нее не было никакого тепла, и сама мысль о женщине, не приносящей тепла, меня злила, особенно, когда я думал конкретно о ней, о той женщине, что была рядом.

Вечером в среду я сам решил задержаться в центре. У меня было немного денег и имелось довольно конкретное решение – как с ними поступить. Проще говоря – хотелось выпить. Но не соло, а как минимум дуэтом. Идеальная святая цифра «3» еще больше порадовала бы меня, если б, конечно, все трое были близкими знакомыми. Случайных попутчиков к станции «Выпивка» я не любил. К семи я приехал на Контрактную площадь, где в одном из коммерческих магазинчиков замечал пару раз через стекло своего бывшего одноклассника Диму Самородина. Не встречались мы с ним со школьного времени, да и тогда, когда я наблюдал за ним через витрину магазинчика, – меня он не видел, обслуживая очередных покупателей. Поэтому казалось мне, что внезапная встреча для него будет радостной, тем более, что в школе мы ладили и ничто так не объединяет людей, как общее прошлое, будь то школа или тюрьма.

Мои размышления подтвердились. Как только я зашел в магазинчик походкой задумчивого покупателя, он меня узнал и окликнул. Между делом обслуживая покупателей реальных, он задавал мне массу вопросов о наших бывших одноклассниках, интересуясь, кого и когда я видел последний раз и кто что делает. Порадовать его я особенно не мог. За все годы у меня произошло всего-то пять-шесть случайных «транспортных» встреч с друзьями детства, о чем я ему и рассказал.

– Ты подожди полчаса, – попросил он. – Шеф заедет за выручкой, и тогда я закроюсь и можем здесь посидеть...

Я с радостью кивнул. Но ждать в магазине не хотелось, и я вышел прогуляться по Подолу.

Яркие огни, неоновые линии и буквы глуповатых названий кафе и ресторанчиков разгоняли вечернюю темень. Выйдя из света встречно-направленных реклам и огней, я уселся на скамейке возле памятника первому украинскому буддисту Григорию Сковороде. На соседних скамейках, пользуясь неосвещенностью памятника, целовались счастливые силуэты. Я один ни с кем не целовался возле памятника и из-за этого почувствовал свою ущербность. Чем я плох? Я еще молод, симпатичен, не толст. Меня еще можно считать привлекательным. Конечно, дело во мне. Ни одна женщина не подойдет ко мне первая с вопросом «Разрешите вас поцеловать?» Что со мной? Ведь еще лет пять назад я любил сам ошарашивать женщин подобными вопросами. А теперь?

Когда я вернулся в магазинчик – покупателей уже не было.

– Порядок, – сказал Дима. – Выручку забрали. Можем закрываться.

Он занавесил окна-витрины. Закрыв тяжелую металлическую дверь, и нас словно отрезало в этом магазинчике от окружающего мира, мы словно оказались в кабине космического корабля, только, судя по всем стоящим на полочках бутылкам, консервным банкам и прочему, это был как минимум западноевропейский корабль.

Дима усадил меня за пластмассовый белый столик, а сам отошел к полочкам.

– Что пьем? – спросил он.

«Все вокруг народное, все вокруг мое», – подумалось мне.

– Давай, не стесняйся! – подбадривал меня Дима, стоя у шеренги бутылок. – Я угощаю. Мне здесь в виде премии положены две бутылки в день, а если больше, то плачу со скидкой...

– Тогда виски, – сказал я.

Виски мы пили, как другие пьют водку, маленькими хрустальными стопочками в один глоток. Стопочки для этого временно сняли с продажи.

– Женьку Долгого я последний раз видел года три назад, – говорил Дима. – Он мясником работал в гастрономе у Оперного. А Чемерис в Волгоград уехал. Он полысел страшно за последнее время...

– А я как-то Галю Колесниченко встретил... – поделился я. – Тут же, на Подоле...

Допив виски, решили попробовать джин.

– Вообще-то его с тоником пьют, – говорил, открывая бутылку, Дима. – Но тоник сегодня весь раскупили. Ничего, он и так вкусный. Помнишь Мельничука из Б-класса?

– Помню.

– Ему два года назад вышку дали, но потом на пятнадцать лет заменили.

– А за что? – поинтересовался я.

– Уголовщина. У какого-то челнока выкачивал пять тысяч баксов и для остротки бросил ему днем в окно гранату, а там теща с малым была. Два трупа...

– Да, – протянул я. – Грязно.

Разговор перешел на созвучные теперешнему времени уголовные истории и ужасы. Мы открыли кипрские маслины и банку камчатских крабов. Под такой разговор пилось и закусывалось отменно. Круглое лицо Димы покраснело, глаза горели. Думаю, что и я выглядел не трезвее. Между делом поговорили о доходах – слово «зарплата» уже вышло из обихода. Дима заколачивал триста баксов плюс премиальный товар, который обычно выпивал и съедал в кругу друзей. Я, увы, материальными достижениями похвастаться не мог.

– Мой шеф тысяч пять-шесть в месяц имеет, у него еще пять точек на Подоле и один обменный киоск, – рассказывал Дима. – Но я ему не завидую...

– Слушай, а ты не знаешь, сколько киллеры заколачивают? – спросил я.

– А ты что, «Ведомости» не читаешь? В зависимости от важности объекта и пять тысяч, и десять тысяч баксов...

– А если объект не важный?

– А кому надо убирать такой объект?

Я пожал плечами.

– Ну, вроде как муж хочет убрать любовника своей жены... – предположил я.

Дима помолчал минутку, потом тоже пожал плечами.

– Это мелочевка, – сказал он. – Любовники ходят без охраны... Должно быть дешево. Может, баксов пятьсот... но серьезный профи за такую мелочь не возьмется... По крайней мере те, кого я знаю...

Я тяжело вздохнул и налил себе и Диме джина. В бутылке оставалось еще на пару стопочек. Алкоголь уже плыл вперемешку с кровью по венам и артериям, но в голове было светло, как днем.

– У твоей что, любовник есть? – спросил вдруг Дима.

Я кивнул, скорее автоматически, чем в знак согласия с предположением Димы. Но, в принципе, сомневаться в наличии любовника у моей жены было бы глупо.

– Конечно, есть, – подкрепил я свой кивок словами.

– У меня есть один парень... В общем-то, профи... – Дима заговорил тише, и я понял, о чем он говорит. – Если хочешь, я с ним посоветуюсь... Он порядочный, от близких даже аванса не берет... У тебя есть бабки?

Я снова вздохнул.

– Сейчас неважно с деньгами...

– Я тебе могу одолжить, это же дело серьезное... Вопрос семейной жизни... Так что, поговорить с ним?

– Да, – скоропалительно выдохнул я. И в подкрепление своей решимости еще разок кивнул.

Глава 4

Два дня спустя вечером я зашел в магазинчик к Диме. Покупателей не было. Видимо, еще днем зависшая над Подолом морось, время от времени переходившая в дождь, разогнала людей по домам. Он сидел в ярко освещенном аквариуме магазинчика за прилавком и читал книгу.

– Привет, – крикнул я, заскочив в открытую настежь дверь. – Что читаем?

– А что читают в такую погоду? Конечно, Чейза. Как жизнь? согреться не хочешь?

Я кивнул.

Он вытащил из-под прилавка початую бутылку лимонного «Кеглевича», поставил передо мной хрустальную стопочку и наполнил ее. Налил и себе. Мы как-то по-деловому опрокинули стопки. Водка пошла удивительно мягко, словно в ней и градусов не было.

– Дамская! – уловив мое выражение лица, пояснил Дима. – Подожди, я закроюсь и тогда поговорим.

Он закрыл дверь, занавесил окна-витрины.

– Все оллрайт! – усевшись на свое место за прилавком, сообщил он мне. – У него только ребенок родился... Он сам сказал, что ни в какие серьезные дела лезть сейчас не хочет... Так что твой любовник как раз к месту.

– И сколько? – спросил я.

– Хотел семьсот, но я с ним поторговался... ну и обещал, что ты сам подробно все подготавлишь.

– Что подготовлю? – испугался я.

– Ну наводки разные. Когда и где он бывает. Может, фото сделаешь...

Я задумался о фото и вдруг сообразил, что в этот момент я действительно думал о некоем абстрактном, мною никогда не виденном любовнике моей жены. «Господи! – мысленно воскликнул я. – Речь идет ведь обо мне, о моей фотографии, о тех местах, где я бываю!...» Немного успокоившись и списав нерасторопность своей мысли на плохую погоду и «дамского Кеглевича», я заново включился в организованную мною самим игру.

– Так как? – выждав паузу, снова спросил Дима.

– Насчет наводок?

– Да.

– Хорошо. И фото будет. Так сколько в конце вышло?

– Четыреста пятьдесят баксов. Мы сначала на пятистах сошлись, но я почувствовал, что могу его еще немного дожать. Так что с тебя бутылка!

– А когда я с ним встречусь?

– Ты что! Зачем тебе с ним встречаться? Он тебе позвонит завтра вечером, а все необходимое как-то перешлешь ему.

После делового разговора другой разговор уже как-то не завязывался, и мы, заполняя паузы между стопками анекдотами, просидели еще с полчаса, прежде чем разойтись.

Когда я вернулся домой, жены еще не было. Я заварил себе чаю. Глянул на часы – было уже начало первого. В доме напротив светилось лишь несколько окон. На улице царствовала сырость. В желтых пятнах уличных фонарей блестел асфальт. Мне почему-то показалось жарко на кухне, и я открыл окно. Высунув голову, смотрел вниз на пустынную улицу. Смотрел минут пять, пока перед нашим парадным не остановилась старенькая красная иномарка, из которой вышла моя жена и какой-то мужик. Я уже было испугался, что они сейчас оба зайдут в парадное, но этого не случилось. Они поцеловались под освещавшим вход в парадное фонарем, и она зашла, а мужик, снова сев в свою иномарку, уехал.

«Вот, – подумал я, все еще глядя на вновь опустевшую улочку. – Должно быть, о нем я думал в начале сегодняшнего разговора с Димой. О его фотографии. Может, взять и переключить все это действительно на него? но тогда в этом не будет ничего оригинального. Банальная ревность. Да еще и неоправданная, ведь я уже давненько не люблю свою жену, к тому же с полной взаимностью. Нет, пускай живет, или точнее – пускай живут и радуются. Хотя, думаю, мое заказное убийство и на них подействует, и еще неизвестно как».

Скрежетнул ключ в двери.

– Ты еще не спишь? – равнодушно, но с некоторой долей удивления заметила моя жена.

– Чай пил и в окно глядел, – ответил я.

На это она уже не ответила. Прошла в комнату.

Я подождал, пока она выключила там свет, и тоже пошел спать.

Глава 5

Димин знакомый позвонил на следующий день вечером. Представился Костей. Дал мне два дня на фотографию и на «подготовку советов». Потом обещал позвонить и сообщить, как все это ему передать.

Утром я достал коробку из-под югославских ботинок, давно уже изношенных и выброшенных. В этой коробке хранились мои фотографии, начиная с традиционных голых младенцев и дальше, без всякого хронологического порядка, вперемешку. Но даже самые поздние из них были сделаны лет пятнадцать назад, в теплой тинейджеровской компании. После этого, видимо, никому я не был особенно нужен или же просто интерес к фотографированию у моих друзей пропал. Я отложил две фотографии, где я был изображен крупным планом. На одной – в Пуше-Водицком парке, с бутылкой белого портвейна, на второй – на пикнике где-то в Святошино, у костра, горящего черно-белым огнем. Подойдя к зеркалу и сравнив себя сегодняшнего с собой фотографическим, я понял, что передавать такие фото можно только в том случае, если я не хочу быть узнанным и найденным. Что же было делать? Где-то еще лежали восемь фотографий три на четыре, которые я сделал года три назад в несбывшейся надежде пойти на водительские курсы и получить права.

Выпив растворимого кофе и запихнув фотографии обратно в коробку, я направился к ближайшей фотомастерской.

Старик-фотограф замучал меня претензиями к моему подбородку.

– Вы хотите быть красивым, или для чего вы фотографируетесь? – наконец вырвалось у него, когда я что-то недовольное пробурчал.

Наконец, щелкнув аппаратом на треноге, он попросил прийти за снимками через три дня.

– Извините! – взмолился я. – Мне они нужны завтра. Обязательно завтра.

Он пожал плечами.

– Очень нужны?

– Да.

– Ну приходите завтра после обеда. Но что-нибудь принесите за срочность. Я ж деньгами не прошу – кому они сейчас нужны?!

Не возвращаясь домой, я пошел на трамвайную остановку. Решил поехать в центр и пошляться. Именно пошляться, как я, в принципе, шлялся всю жизнь. Без особой цели, не спеша, заходя в кафе и разыскивая в очереди знакомых.

Когда я уже был на Крещатике, понял подсознательную цель своего сегодняшнего шляния – мне нужно было «подготовить советы» для Кости. То есть сообщить ему, в каких местах и в какое время дня его будущий клиент бывает. Стало быть, надо было решить, в каких кафе чаще всего бываю я. Но в то же время определить эти кафе и потом ходить по ним, ожидая выстрела в спину или в затылок, было занятием не из приятных. Психомазохистом я не был. Надо было придумать для себя что-то более гуманное.

Я поднялся на Большую Житомирскую и опустился в кафе-подвальчик возле хлебного. Там было сумрачно и безлюдно.

Взял кофе и стал думать.

После третьей чашки мысли выстроились в боевой порядок и штурмом взяли поставленную задачу. Я даже сам загордился ими, словно они никакого отношения к моей голове не имели. Все гениальное просто – это было еще раз доказано. Я знал, что надо было делать, и наступившее в результате этого облегчение даже ослабило действие кофеина на организм. Я расслабился.

Мне оставалось теперь только выбрать кафе, в котором я хочу быть убитым, и время для этого эффектного события. Конечно, убивать в публичном месте – дело трудное. И исчез-

нуть потом, уйти незамеченным – тоже задача не из легких, но это уже не мои проблемы. Он профессионал – пусть это докажет. Хотя если его таки схватят и выяснят, что он просто убил любовника чьей-то жены, моя посмертная репутация сильно пострадает и смерть моя станет более анекдотичной, чем трагической. Нет, надо было создать ему все условия, чтобы он ушел незамеченным. Чтобы никогда не нашли моего убийцу и никогда не раскрыли причину преступления. Но как – нужна еще одна чашка кофе.

И я снова подошел к стойке.

– Снова двойную? – спросила «кофейница» Валя.

– нет, простую.

Я снова пил кофе, только в этот раз положил туда два кубика сахара вместо обычного одного. И снова думал, точнее, перебирал в мыслях все знакомые мне кофейни, выбирая ту, в которой вечером перед закрытием бывает поменьше посетителей. В этом подвальчике, в принципе, под вечер редко бывает больше двух-трех кофеманов, но здесь такие крутые ступеньки, что, убегая, можно себе шею свернуть.

Я поймал себя на мысли, что кроме всего прочего еще и о здоровье этого Кости забочусь, хоть и не видел его ни разу и не уверен, что в последний момент успею его увидеть.

Глава 6

Старик-фотограф меня не подвел. И фотография вышла ничего, просто портрет любимого актера. С едва прочитываемой и из-за этого какой-то загадочной улыбочкой и умным прищуром, в котором было что-то ленинское.

За окном шел вечерний дождь. Я сидел на кухне и наслаждался одиночеством. Пил чай из шиповника. Думал о сюрпризе, который я готовлю для своей жены. И совсем не думал о том, что наши отношения или их отсутствие перешли на новую ступень – она не ночевала дома прошлой ночью и только утром забежала, чтобы взять что-то или переодеться. Это было рано утром – я еще спал и больше слышал ее приход, чем видел.

В ее отсутствии сейчас было что-то райское, что-то гуманное по отношению ко мне. И этот вечерний дождь не был бы таким сентиментальным, будь она рядом или в комнате. Есть же люди, чье отсутствие вызывает радость или даже провоцирует ощущение счастья. Плохо, когда таким человеком оказывается жена.

Раздавшийся телефонный звонок не спугнул уютную атмосферу вечера. Звонил Костя.

Узнав, что все готово, попросил следующим утром положить конверт с фотографией и «наводками» в абонентский ящик номер триста тридцать один в двадцать пятом отделении связи, которое находилось в самом начале Владимирской, почти у Андреевской церкви.

После телефонного разговора я почувствовал сильную усталость, свалившуюся на меня внезапно и неожиданно. Захотелось спать. Вечерний дождь зазвучал убаюкивающе. Но перед тем как идти спать, я все-таки заставил себя взять календарик и листок бумаги. По календарикю я выбрал день своего будущего убийства – следующий четверг. К этому дню недели я имел особые чувства. Когда-то в четверг я познакомился с одной девушкой и тут же пригласил ее в кафе. Дело было на Подоле, и после этого на протяжении счастливого года или чуть дольше мы с ней называли это кафе «четверговским». Оно располагалось в трех минутах ходьбы от Контрактовой площади. Как раз по трамвайной линии, ведущей к речному порту. Кафе, не имевшее и до сих пор не имеющее названия, сумрачное, с плохим освещением и двумя небольшими залами. Конечно, можно было бы выбрать «место преступления» и посимпатичней да и попримачнее. Но я остановил свой выбор на этом кафе.

На листке бумаги я написал: «Четверг, 12 октября, 18.00, кофейня по ул. Братской возле остановки тридцать первого трамвая в сторону Почтовой площади». Положив фото и записку в конверт, я с чувством исполненного долга лег спать.

Глава 7

Вторник

Утром я нашел на нужной почте комнату с абонентскими ящиками и бросил конверт в триста тридцать первый из них.

Жить мне оставалось два с половиной дня, и надо было решить, как их прожить, ведь оставшееся время моей жизни было уже настолько ограничено, что при небольшом усилии исчислялось в точном количестве секунд, не говоря уже о минутах и часах.

После почты возвращаться домой не хотелось. Погода стояла хорошая – наступила, видимо ненадолго, «золотая осенняя пора», желтые и красные листья, устойчивая бодрящая прохлада и отсутствие ветра при совершенно голубом небе. Если бы в раю наступала осень, она была бы именно такой.

По Андреевскому спуску я медленно пошел на Подол. Галереи и магазинчики только открывались. Самые громкие звуки на спуске порождали в этот момент мои туфли, ударяясь о булыжник мостовой своими дешевыми пластиковыми подошвами.

Не думая особенно о конкретном своем пути, я оказался в конце концов на Братской в том самом «четверговском» кафе. Благо, оно уже работало, и какой-то парень студенческого вида, забившись в угол, пил свой первый, должно быть, на сегодня кофе. Я тоже взял половинку и уселся за столик в другом углу. И вот тут уже задумался об оставшихся у меня для жизни минутах и часах. Захотелось взять лист бумаги и ручку и составить точный график или план дел и встреч. И чтобы не так, как обычно, чтобы хотя бы половину из этого плана вычеркнуть в знак исполнения. Но бумаги у меня с собой не было. Правда, в кармане пиджака лежала ручка.

Я посмотрел на парня, увидел у него дипломат.

– Извините, – обратился я. – У вас не будет листка бумаги?

Молча он достал из дипломата общую тетрадь и выдрал мне двойной лист.

Я уже положил листок перед собой, собираясь с мыслями, а он все еще копался в своем дипломате среди книг и тетрадей.

«Вторник, 10 октября», – написал я.

Потом глянул на часы. Половина одиннадцатого.

Что я могу сделать сегодня? Сейчас? Утро казалось бесполезным временем. Да и подумав о знакомых и друзьях, которых хотелось бы увидеть, я вдруг понял, что желание мое рождено сентиментальностью момента. Не было ничего важного в этих возможных встречах. Попрошаться? Но какой смысл – ведь я не должен знать о своей гибели! А встретиться как обычно, чтобы поболтать ни о чем, – такие встречи даже мне уже надоели. Может, встретиться с Ниной, с женщиной, которую я полуоставил перед своей свадьбой. Мы, правда, уже тогда были больше друзья, чем влюбленные, хотя это нам не мешало вести себя иногда, как ведут любовники. Это была какая-то затихшая и затухшая страсть, которую ни она, ни я не хотели забыть. И вероятно, потому, что мы помнили о ней, она и просыпалась иногда, бросая нас в объятия друг другу. После этого мы спокойно обсуждали за чаем ненормальность наших отношений и обещали попробовать в дальнейшем только дружить. Но все повторялось снова и снова. И в конце концов мы уже не виделись, а только перезванивались, но все реже и реже. Потом я видел ее случайно в обнимку с красивым и самоуверенным мужиком. Они выходили из венгерского кафе «Бон-Бон». Я тогда понял, что эта часть моей жизни окончилась. И сразу возникло какое-то успокоение. Я успокоился за нее. И перестал звонить ей, думая, что ей сейчас это не надо. Она тоже больше не звонила.

«Позвонить Нине», – написал я на листке и отпил еще кофе.

Листок раздражал меня своей белизной, своей незаполненностью. Все мои желания, вся моя внезапно возникшая бережливость к оставшемуся в жизни времени потеряла всякий

смысл. Какие встречи? Какие звонки? Я никому не был нужен и мне никто не был нужен тоже. Это стало вдруг настолько очевидным, что мурашки пробежали по спине. Эта очевидность моей никчемности и ненужности в этом мире привела меня и к более положительным мыслям – мыслям о том, что принятое мною решение о собственном убийстве было единственно верным. Я взял еще кофе и уже хладнокровнее смотрел на ситуацию. И вычеркнул с листка этот не нужный Нине звонок. Теперь я был полностью свободен и мог посвятить оставшееся время только себе и никому больше.

Парень, сидевший в противоположном углу, поднялся и вышел, и я остался в кафе один. Барменша ушла в подсобку. Из-за темного интерьера в кафе было сумрачно. А на улице светило бесполезное в это время года солнце. Хотя, конечно, миллионы граждан радовались ему. Граждане привыкли радоваться бесполезным вещам. Я тоже.

Вечером в четверг я сяду поближе к выходу. Так будет удобнее.

Глава 8

Среда

В среду утром за окном комнаты плескался туман. Я, поднявшись на ноги, сразу же подошел к окну. Потом оглянулся, понял, что жена снова не ночевала дома. Это объяснило мое бодрое самочувствие. Предстояло как-то заполнить этот последний полный день моей жизни. Бродить по туману не хотелось, хотя туман, должно быть, был делом сугубо утренним.

На кухне я поставил чайник на плиту и уселся за стол.

«Вот и жизнь кончается», – подумал я и почувствовал в своей внутренней интонации какую-то подделанную старость. Словно с каждым днем, приближавшим меня к избранному четвергу, я становился все более неизлечимо больным.

Пить чай с туманом за окном – в этом было что-то от дорогой скандинавской лечебницы для неизлечимо больных, или это как-то Бергман прорезался в ассоциациях.

Снег в этом году выпадет без меня.

А вдруг именно грядущая зима будет бесснежной, а я этого не увижу?

Не велика потеря, впрочем. Это только сэкономит городу бюджет, обычно затрачиваемый на уборку снега.

Мысли мелочились в моей голове. Ничего высокого, ничего истинно философского. Словно и сам я всегда был мелким, неглубоким человеком. И теперь уж вправду единственное, что могло меня возвысить, если уж не в моих собственных глазах, то в чужих, это насильственная смерть. Звучит глуповато. Видимо, хороший сон и мирное пробуждение с последующим созерцанием первобытно чистого тумана пробуждают глупость или же по крайней мере вызывают банальнейшие мысли.

Неплохо бы в последний день написать несколько писем давно забытым знакомым. Что-нибудь о планах на будущее. Это и отвлечет от мыслей о четверге, и привнесет трагизма в день пятничный.

Не допив чай, я сходил в комнату за ручкой и бумагой.

«Дорогая Таня, – писал я в Москву молодой разведенной женщине, отдохавшей когда-то в нашей компании в Крыму, после чего мы пару раз обменялись теплыми письмами. – Извини, что долго не писал. Жизнь в последние два года потихоньку разваливалась и вот наконец развалилась окончательно. Теперь у меня нет ни работы, ни семьи. Я вышел на стартовый «ноль», и передо мной опять все пути открыты. Молодым везде у нас дорога. О будущем начну думать через пару дней, а пока грущу о прошлом. Но грущу неискренне, а скорее из-за глубоко засевших в генах православных традиций. Даже не грущу, а скорблю. Это слово больше подходит. Думаю, что когда отскорблю, отгрущу и отплачу, то есть после девяти и сорока дней (или часов) начну собираться в Москву. Был бы очень рад увидеться, вспомнить о былом, о друзьях-товарищах. Будет время и желание – пиши. Адрес на конверте. Целую».

Письмо написалось удивительно легко, на одном дыхании. Думал было еще с десяток накропать, пока туман и так легко пишется, но вовремя остановился.

Телефон зазвонил. Пришлось вернуться в комнату.

Звонила жена. Сухим голосом предупредила, что заедет на машине со своим коллегой, чтобы забрать свои вещи.

– А машина у коллеги красного цвета? – спросил я.

Она повесила трубку.

Не желая в свой последний день встречаться с женой и ее «коллегой», я быстро оделся и вышел на улицу.

Туман все еще заменял воздух. Медленно проезжали мимо по дороге осторожные машины, нащупывая путь желтыми фарами. Люди проходили мимо тоже как-то странно, воз-

никакая словно из ничего и тут же растворяясь в туманном молоке. Среда начиналась мистически, словно из этого тумана вот-вот должен был возникнуть другой, новый мир, в котором всем будет хорошо и куда смогут уйти все те, кто не прижился и не устроился в старом мире.

Я брел в сторону центра. Хотелось пройти как можно более долгий путь в тумане. Дойти до Подола, до Братской. Может, и не было никакого смысла в этом, но, помня челюскинцев и время героев и живя в этом совершенно противоположном времени, хотелось иногда совершать невидимую другими имитацию нормальной героической жизни. И вот в последнюю среду своей жизни я шел в тумане из одного конца города в другой. Шел, чтобы дойти и взять в награду за переход чашечку кофе. Тоже одну из своих последних.

Переход длился два часа с лишним. И честно говоря, уже зайдя в кафе и подойдя к стойке, я не почувствовал никакого торжества момента. Движение в тумане лишает человека ощущения пространства, а значит, лишает его и возможности оценить пройденный путь. Так оно и было.

Тусклый свет горел в кафе, а на улице было серо. Я уселся в угол за свой любимый столик. Похоже, что я был сегодня первым посетителем. «Кофейница» невидимо сидела за высокой венгерской кофеваркой и читала книгу. Отвлеклась она только на мгновение, чтобы сделать мне кофе. И снова уселась.

В кафе вошла девушка в кожаной кепочке и коротковатой темно-серой куртке, похожей на летнюю куртку старого образца. В руке у нее была большая папка для рисунков, а за плечом кожаный рюкзачок. Взяв кофе, она уселась по другую сторону прохода.

Мне очень захотелось поговорить с ней, познакомиться. Но ее сосредоточенность на своих мыслях остановила меня.

Я допил кофе и вышел из кафе. Пошел бродить дальше. В туман. Мои ощущения тумана, конечно, не были такими наивно-радостными и трогательными, как у Ежика-В-Тумане. Но все-таки бродить было легко, и мысли бродили в голове разные. Похоже было, что мой последний день окажется самым скучным в жизни, но это меня уже не огорчало.

Глава 9

Четверг

К вечеру среды туман немного рассеялся или же, слившись с темнотой, стал менее заметным. Когда я вернулся домой – настроение приподнялось. Я заметил отсутствие множества мелких предметов и деталей быта, унесенных бывшей женой. Она словно убрала после себя – и будильник на одной батарееке исчез, и всякие шкатулочки, щетки для волос. В общем, квартира показалась мне чуть роднее, чем была до этого. Я легко прошелся по ней, глубоко вдохнул воздух.

В ночь на четверг мне снились цветные сны. Я не запомнил ни одного из них, но ощущение цветности было настолько сильным, что, даже проснувшись, я все еще хотел закрыть глаза и продолжать смотреть их, эти незапоминающиеся сны.

Но надо было думать о другом. Надо было готовиться к вечеру.

Я принял ванну, побрился. ПогладилсЯ. Я собирался так тщательно, будто должен был быть свидетелем на свадьбе. Приготовив одежду на вечер, я засел за утренний кофе.

Вечер пришел незаметно.

Вообще 4 часа дня можно было называть «вечером» только осенью или зимой.

Оставалось два часа жизни, и не было необходимости спешить, чтобы закончить какие-то дела. Не было дел, ни законченных, ни других. Все было завершено или же не нуждалось в завершении. И чувствовал я себя чуть ли не возвышенно – я наконец мог поверить в себя, в свою способность быть решительным и хладнокровным. Может быть, ради этого и не стоило организовывать трагический моноспектакль, но ведь задумал я его не для проверки своих способностей, а то, что способности все-таки «проверились», меня только радовало.

В карман куртки перед тем как выйти я положил паспорт, написанное письмо. Постоял в коридоре, размышляя, что еще взять с собой, чтобы тем, кто будет выворачивать карманы у покойника, было бы что вытащить и принять за ключ к разгадке преступления. Но в голову ничего не приходило.

На прощанье я хлопнул дверью и тут же почувствовал неловкость жеста.

Видно, все-таки я нервничал.

На улице было сумрачно и прохладно.

ВыйдЯ на Контрактовой площади из метро, я остановился у памятника Сковороде. Посмотрел на сидящие вокруг него на лавочках парочки – что за странное место для зачинающихся романов и коротких лавсторий? Может, дух первого украинского буддиста Сковороды все еще витал над этим местом, привлекая сюда молодежь. Дух даже не столько буддиста, сколько первого отечественного хиппи, прошедшего пешком всю Украину и ее российские окрестности. Вот он, официально неосознанный идеал для новой украинской молодежи. Поднять бы его образ над массами молодых трудящихся, и пошли бы миллионы пешком по Украине и ее российским окрестностям!

Но время шло, и мне захотелось успеть выпить кофе. Благородная мысль – для некурящего нет смысла выкуривать последнюю сигарету, но для завсегдатаЯ кофеен последняя двойная половинка кофе – это святое!

МенЯ обогнал трамвай, разливая по сумрачной Братской улице желтый жидкий цвет, который тут же впитывался в асфальт. Он повернул к Днепру, и снова стало темно. Только одиноко горящие окна домов выставляли свой слабый свет на улицу.

Оставался еще один квартал и полчаса времени.

Я замедлил шаг. На кофе мне понадобится не больше десяти минут.

Но кварталы на Подоле почти игрушечные – как не замедляй шаг, а через несколько шагов квартал заканчивается.

Я вошел в кафе. Тихо пел в его стенах Шуфутинский. Тихо потому, что звук был максимально прикручен. Мое место было свободно. В первом зальчике сидела компашка мужиков и распивала водку. Одна парочка прижималась друг к другу за угловым столиком. Из второго зала раздавался какой-то шум. Я взял свою половинку и сел на давно выбранное место. Снял с руки часы и положил перед собой. Пил кофе, хороший крепкий кофе. Будто «кофейница» знала, что это моя последняя чашка, и постаралась сварить кофе получше.

Оставалось пятнадцать минут жизни.

Я почувствовал, что у меня дрожат руки.

В кафе зашли две девчонки, заказали по пятьдесят граммов ликера.

– Только быстро, – предупредила их «кофейница». – Я сегодня раньше закрываюсь – у сына день рождения.

Я снова глянул на часы – без двенадцати шесть.

Допил кофе и взял еще одну половинку.

– Чего это у тебя руки дрожат? – спросила «кофейница». – Перебрал вчера?

Я кивнул, не желая участвовать в ее участии.

– Тебе не кофе надо, а чего покрепче, – посоветовала она. – Возьми «Кеглевича»!

– Денег нет.

– Тебе в кредит дам, – сказала она и налила мне сто граммов.

– Спасибо, – я взял кофе и сто граммов и вернулся за свой столик.

Было без пяти шесть, когда «кофейница» занервничала и стала всех торопить и выпроваживать. Мужики допили водку и без пререканий гурьбой вывалили на улицу. Из второго зала тоже вышли всякие люди в подпитии.

Я смотрел примерзшим взглядом на открытые двери, в которые все выходили, но никто не входил.

– Ну давай, не задерживай! – «Кофейница» стояла рядом, надо мной.

Я оглянулся – кроме меня и ее, в кафе больше никого не было.

– Я к тебе по-человечески, и ты тоже, пожалуйста, будь человеком, – дружелюбно говорила она. – У меня Васе сегодня восемнадцать. Надо успеть салаты сделать...

Я кивнул, доглотнул «Кеглевича», запил последним глотком кофе и пошел к выходу.

Уже «выплыв» лицом на улицу, я столкнулся с парнем в короткой кожаной куртке. Он хотел войти.

– Все! – крикнула ему «кофейница». – Закрыто.

Пропустив его на порог кафе, я отошел в сторону и с улицы слушал их разговор.

– Ну хотя бы сто граммов! – просил он.

Часы я сжимал в ладони. Было темно, и я вряд ли бы разглядел местоположение стрелок, но почему-то была у меня уверенность, что именно в эти секунды наступает шесть часов вечера. И действительно, откуда-то сверху донеслись удары настенных часов.

Я медленно шел назад, на Контракттовую. Я шел и слышал шаги идущего позади меня человека. Может, это был именно он? Может, именно с ним я столкнулся лицом к лицу на выходе из кафе?

Мое состояние можно было сравнить только с пронизывающей немотой. Не было ни огорчения, ни облегчения. Только страх при каждом услышанном шаге идущего позади меня человека усиливался. Я хотел, но боялся оглянуться.

Уже выйдя на освещенный поворот трамвайной линии, я оглянулся, но сзади никого не было.

Страх пропал, но пропали вместе с ним и все чувства. Снова воцарилась, разлилась по всему моему телу немота.

Я присел на пустовавшую скамейку под памятником Сковороде. Сидел и ни о чем не думал. Просто дышал.

Может, к шести часам моя душа покинула меня, оставив без чувств и мыслей. Ей, должно быть, не нравился мой план. Душа живет в человеке и не любит терять свое место жительства.

Смешная мысль пришла в озябший мозг – если душа прописана в моем теле, а тело прописано по определенному адресу, значит, у души – двойная прописка, что запрещено всеми нашими до сих пор советскими законодательствами.

Я даже улыбнулся.

И подумал об одиночестве Сковороды.

Некоторые люди рождаются, чтобы и после смерти оставаться одинокими.

Часы показывали двадцать минут седьмого.

Прошли первые двадцать минут моей незапланированной жизни.

Посидев еще с полчаса, я поднялся пешком на Крещатик, нашел подвыпившую начинающую проститутку и, пообещав ей заплатить утром, повез к себе.

Глава 10

Пятница

Ночью мне то снились кошмары, то вдруг прорезались какие-то идиллические картинки, и в зависимости от этого я то обнимал во сне девушку, имя которой, один раз услышав, сразу забыл, то отодвигался от нее на край. Утром проснулся с головной болью. Встал, оставив гостью крепко спящей. Сидел на кухне и пил растворимый кофе. Несколько раз заглядывал в комнату и удивлялся столь крепкому сну. Наконец уже заглянул, чтобы внимательнее рассмотреть свою гостью – ведь познакомились мы в полумраке, а если еще учесть, в каком я был прошлым вечером состоянии, то надо было удивиться смелости этой девушки. Мне самому вдруг стало страшно за нее – а если бы за пять минут до нашего знакомства ее бы увез к себе какой-нибудь маньяк-садист?

Мысли логично подошли к тому, что я совершил хороший поступок и, вероятно, спас ее от избиения или от чего-то пострашнее. Но тут я вспомнил, что утром обещал с ней расплатиться, и притом даже не стал слушать, какую сумму я должен буду ей отдать...

Стало как-то не по себе. И даже порадовался я ее крепкому сну. Но все-таки надо было что-то делать. Может, надо было где-то одолжить деньги, чтобы отдать ей. И снова – мысль о том, что мне надо раздобыть денег, чтобы заплатить проститутке, – эта мысль окунула меня в грязь, и я поморщился. Было, конечно, от чего поморщиться.

– Эй! – донесся из комнаты негромкий сладкий голос. – Эй, ты где?

Я появился в дверях и спросил:

– Кофе?

Она потянулась. На лице, усыпанном веснушками, заиграла улыбка. И совсем по-детски она кивнула. Приподнялась, рукой подсунула подушку под спину и так устроилась на кровати – полулежа-полусидя.

– Только у меня растворимый, – успел я сказать, исчезая на кухне.

Вода быстро закипела, и я сделал для нее кофе.

Она была красивой, слишком красивой для проститутки. И слишком молодой. Светло-каштановые волосы, немного пострадавшие от «химии», мелкими волнами сбегали до плеч, татарский разрез глаз, маленький острый носик. Тонкие, но яркие губы – я их целовал, наверно, ночью? не помнил, и было жаль, что не помнил я прикосновения к этим губам.

– Ты идешь?

– Иду, – ответил я.

Присел на краю кровати. Протянул ей чашку.

– А у тебя есть шоколад? – спросила она.

Я с сожалением покачал головой.

– Ну ничего, – она улыбнулась.

«Как же ее звать?» – мучился я вопросом.

– Ты извини, – заговорила она. – Ты хороший, но я не запомнила, как тебя зовут...

– Толя, – сказал я и тут же воспользовался моментом, чтобы извиниться перед ней в том же грехе памяти.

– Лена... Это по-настоящему, то есть по паспорту... А там я – Вика...

– Давай лучше будешь Леной...

– Хорошо, для тебя буду Леной...

Это утро закончилось под вечер.

– Я должна идти... – сказала Лена и пожала плечиками.

Я было заикнулся о деньгах, о том, что свято чту долги и что денег сейчас у меня нет...

– Забудь, – улыбнулась она. – Лена денег не берет. Вот если бы ты с Викой познакомился – пришлось бы 20 долларов положить... Пока!

Мы поцеловались на прощанье.

– Захочешь – найдешь, – сказала она уже с лестничной площадки, и застучали вниз ее каблучки.

– Лифт работает! – крикнул я.

– Ну и пусть работает! – крикнула она в ответ.

А за окном было темно. Осенний вечер стелил грусть, но мне не было грустно. Мне было радостно. Я думал, что это второе рождение или второе дыхание. Что-то второе, что-то дающее надежду на будущее...

Глава 11

Вечер

Около семи вечера зазвонил телефон.

Звонил бывший одноклассник Дима.

– Ты знаешь, там что-то сорвалось вчера... Ко мне Костя заходил. Он просил извиниться... У тебя есть сейчас время?

– Это единственное, что у меня есть, – улыбнулся я в телефонную трубку.

– Подъезжай, глотнем по сто граммов.

Я охотно согласился.

У Димы мы засиделись до полуночи. В занавешенном киоске было тепло и уютно – работал мощный обогреватель, и ощущение возникало такое, будто мы сидим у камина.

Выпив для разминки бутылку красного венгерского, мы принялись за лимонную водку «Николай». Она великолепно закусывалась печенью трески, и я подумал, что для ощущения богатства жизни надо действительно работать в коммерческом киоске или, по крайней мере, быть ближайшим родственником продавца. Правда, мне было достаточно быть бывшим одноклассником, но это чистое везенье. Многие люди не признают своих бывших одноклассников.

– Понимаешь, – Дима вернулся к серьезному разговору после небольшого прогрева лимонной водкой. – У него вроде часы барахлили. Короче, он попал туда только к закрытию... Вообще, он парень точный. Так что ты не дергайся, он дальше уже сам все сделает, это как долг чести. У них с этим строго. Все, я сказал – и забыли! Жизнь – классная штука. В ней всего много. Я вчера с одной девчонкой познакомился! – и Дима помотал головой, видимо, слов не хватало. – Она парикмахершей работает. Иногда вот так познакомишься – и жениться хочется. Может, и женись когда-нибудь. Надо сначала квартиру подкупить...

– У меня уже есть квартира, – вставил я. – Жена ушла.

– Вернется! – хотел успокоить меня Дима.

– Лучше не надо.

– Она же не выписалась?

– нет.

– Значит, это еще не твоя квартира. Понимаешь, вот когда у меня будет квартира и в ней никто, кроме меня, не будет прописан – вот тогда я хозяин.

С этим я согласился.

На прощанье он подарил мне бутылку «Кеглевича».

Мы закрыли киоск и вместе пошли к метро.

– Знаешь, – говорил он по дороге, – тут дело есть небольшое – можно денег заработать.

Хочешь?

– Криминал? – спросил я.

– нет, не совсем. Хотя сейчас все – криминал.

– ну?

– Мой шеф разводится, ему нужен свидетель.

– Свидетель чего?

Дима почесал за ухом.

– Ну как тебе это... в общем, ты вроде как спал с его женой, понимаешь? надо быть в суде во время разбирательства и, если спросят, подтвердить. Мол, сам муж тебя застукал с ней или что-то в этом роде...

– Это же ложные показания.

– Дело ведь не уголовное, а гражданское. Да и как кто докажет, что ты с ней не спал? Она может отбрехиваться, но и она не докажет... А заплатят тебе так, что год сможешь по кабакам ходить и не работать. А?

Я задумался. Предложение было не очень заманчивое, но, с другой стороны, денег у меня не предвидилось, а тут вроде обещали не поскупиться. Конечно, выступать в таком деле свидетелем и еще брать на себя чью-то жену... Черт его знает...

– Если хочешь, я тебе устрою встречу с шефом, и он тебе сам все объяснит. Тогда и решишь.

– Хорошо. – Я обрадовался возможности отложить решение. Да и действительно, думаю, Димин шеф лучше знает, что ему нужно.

– Я дам ему твой телефон, – сказал Дима.

Мы попрощались.

Глава 12

Суббота

Знакомство с шефом Димы состоялось на следующий день. Утром он позвонил мне, а уже в три часа мы сидели у меня на кухне. Собственно, на моей кухне он сам меня угощал привезенной с собой водкой и закусками. Было ему лет сорок – высокий, гладковыбритый, типичный государственный служащий. Редкая проседь в коротких черных волосах. Усики, аккуратно подстриженные по линии верхней губы. Звали его Сергей.

– Она крученная, – рассказывал он, делая маленькие глотки водки, словно не здесь родился. – Достала меня – хуже не бывает. Я знаю, с кем она спит, но не хочу с ним связываться. Мне тут важнее моральный вопрос – я еще имею планы на будущее, надо поддерживать репутацию, понимаешь. От тебя, может, ничего не потребуется, но если потребуется – встанешь, скажешь пару слов. Главное – запомни: у нее на левой груди под соском большое родимое пятно, на заднице тоже. Это такие детали, про которые могут знать только самые близкие друзья. – Он усмехнулся.

Я слушал молча. Очень хотелось заработать денег и очень не хотелось вляпаться в какую-нибудь историю. Хотя я себе представлял, что много денег без риска не заработаешь, но здесь очевидного риска не было. Могло только возникнуть несколько неприятных моментов. Но моменты – они на то и моменты, чтобы быстро забываться и уходить в прошлое.

– Ну и самое главное, – Сергей потер свои ладони, словно у меня было холодно, – гонорар – тысяча баксов. Решай сейчас, дело для меня срочное.

Я сглотнул слюну. Мое заказное убийство стоило в два раза меньше.

– Даже если не придется выступить – деньги твои, – добавил Сергей.

Я кивнул.

– Ну раз согласен, тогда собирайся.

– Куда? – удивился я.

– Поедем, я покажу, где ты с ней спал. Расскажу, когда это было. Потом привезу тебя обратно.

Мы приехали на его «опеле» на Печерск. Он мне показал свою квартиру – там было где разгуляться.

– Это спальня. – Он распахнул двойную дверь с витражными стеклами. – Вот здесь ты трахал мою жену. Дело было в августе – я уезжал в Штаты. Запоминай. Вон на стене ее портрет... Да! Ее зовут Алина. Не забудь!

Над кроватью в красивой рамке висела цветная фотография симпатичной, но сильно накрашенной блондинки.

– Вот и все, пожалуй, – сказал он и вздохнул. – Суд в следующий понедельник, в десять утра. За тобой заедет мой приятель. Сиди дома и жди.

Потом он отвез меня домой, и я долго сидел на кухне. За окном было темно, можно было бы уже и спать ложиться, но чувствовал я себя слишком бодро и возбужденно. Поэтому вечер длился долго, может быть, до двух или трех часов ночи.

Глава 13

Дни после моей несостоявшейся смерти тянулись невероятно долго. Трудно было поверить, что всего два дня назад меня должны были убить – каждый день был безразмерен и не поддавался описанию. Вечер в Димином киоске и встреча с его шефом – были словно заполненные чем-то секунды в широком и бесполезном потоке времени. Мне и раньше нравилось отсчитывать время, ориентируясь на какое-то ожидаемое мною событие. Чей-нибудь приезд, свидание, просто письмо, о котором я знал. Конечно, я очень любил и неожиданные письма, но они относились к разряду случайностей, которые тем и хороши, что не запланированы. Сейчас мне надо было ждать понедельника, чтобы первый раз в своей жизни быть свидетелем. Точнее, лжесвидетелем – интересно исполнять первый раз в жизни не саму роль, а ее противоположность. В этом было что-то почти естественное для меня, словно так мне и было предначертано – исполнять противоположности нормальных ролей. Когда же я решил сыграть полноценную роль – роль жертвы заказного убийства, – случай – или же Некто другой – распорядился иначе, не дав мне исполнить задуманное. Что это было? Почему? Может, существует какая-то цензура Судьбы, позволяющая или же не позволяющая нам совершать поступки?

В понедельник я проснулся с облегчением – наконец наступил день, в который что-то должно было произойти. Я сел на кухне – не было еще и восьми утра. Заварил чай и сидел, ждал машину, которую Сергей обещал за мной прислать.

Громко тикали настенные часы.

За окном моросил дождь.

Продолжался мой самый нелюбимый месяц – октябрь. Революция здесь была ни при чем. Я не любил сырость.

Около девяти внизу просигналила машина. Я выглянул в окно и увидел у своего парадного «девятку». Понял, что это за мной. Быстро оделся и вышел.

Молчаливый шофер лет пятидесяти привез меня в суд. Там ко мне подошел Сергей. Сказал: «Стой здесь и жди. Когда все зайдут, будешь стоять за дверью, пока не позовут».

Я кивнул.

Двери суда открылись минут через тридцать, и оттуда вывалила под морозящий дождик толпа людей с неулыбающимися лицами. Одна женщина была подчеркнута в черном. После этого кто-то появился в открытых дверях, махнул рукой, и Сергей, а следом за ним и другие зашли. Я зашел последним. Остановился перед дверью в зал заседаний.

– Проходите! – сказала мне молодая девушка, одетая под пожилую секретаршу во все длинное и клетчатое серого цвета.

– Я свидетель, – объяснил я. – Мне сказали тут ждать.

Она неожиданно улыбнулась.

– Это если б уголовное дело, а здесь можете заходить – просто сядьте поближе.

Я зашел и сел во второй ряд у дверей.

Заседание прошло быстро и для меня безболезненно. Правда, я успел понять, что жена Сергея разводиться не хотела. Но Сергей в самом начале заявил, что человек, с которым она ему изменяла, находится в зале и при необходимости даст свидетельские показания. Я долго потом наблюдал, как его жена нервно бежит глазами по рядам сидящих.

После заседания Сергей подошел ко мне и передал конверт. Вид у него был усталый, но удовлетворенный.

– Легко заработал, – сказал он и усмехнулся. Потом, не попрощавшись, отошел.

Я вернулся домой и пересчитал деньги – такой суммы у меня еще никогда не было. Тысяча долларов в купюрах по пятьдесят и по двадцать. Я несколько раз пересчитывал, рас-

кладывал их по сотням на столе в кухне, потом снова складывал в одну пачку. Дрожали руки, но, наверно, дрожали они от радости. Теперь я был с деньгами и мог отдать долги. Правда, долги мои были мелочные – за «Кеглевича» в кафе на Братской, потом надо чем-то обрадовать Лену-Вику с Крещатика. И вроде все.

Я вытащил из пачки двадцатку, а остальные деньги завернул в кулек, потом в газету и спрятал под ванной – ведь у моей ушедшей жены есть ключи, и оставлять такой сюрприз для нее я не хотел.

Вечером я уже ехал на Крещатик. Первым делом прямо у метро разменял доллары, потом уже пошел искать Лену-Вику. В прошлый раз я нашел ее на скамейке около кинотеатра «Орбита». Я прошелся два раза до «Орбиты» и обратно, но так и не увидел ее. Пачка купонов грела в кармане ладонь правой руки, и я тоже зашел погреться в кафе-гриль по другую сторону от метро. Съел полкурицы, щедро политой кетчупом. Выпил сто граммов водки. Ощутил себя в меру замедленным и спокойным. И снова пошел гулять по Крещатику в поисках девушки, с которой было легко во всем.

Нашел я ее только к одиннадцати. Она выглядела несколько уставшей, но, заметив меня, обрадовалась. Мы взяли две бутылки «Амаретто», несколько шоколадок, кусок салями и поехали ко мне.

Пили, ели, говорили открыто и легко, каждый о своем. Я рассказал об ушедшей жене и о кофейном прошлом. Она – о своей любви к свободе и о ненависти к родителям и брату. Нам было хорошо и ночью, и утром. Долго не хотелось вставать. Потом я все-таки поднялся и принес ей кофе и шоколад. Мы оба никуда не спешили, но в какой-то момент возникла пауза-усталость, и она, будучи молодой, но все-таки женщиной, ощутила ее и начала собираться.

– Если хочешь, я буду тебе звонить, – сказала она, погладив телефонную трубку, мирно лежащую на старом черном аппарате.

Я с радостью согласился и написал ей на бумажке свой номер.

– Я бы на твоём месте поменяла замок в двери, – сказала она, уже выходя из квартиры.

Я кивнул. Мысль показалась мне разумной.

Она снова пошла вниз пешком. Я слушал ее шаги больше минуты.

Потом вернулся в квартиру.

Снова наступал ранний осенний вечер. Но теперь в жизни появился приятный момент ожидания, ожидания ее звонков.

Глава 14

Телефон зазвонил утром. Но звонила не Лена. Это был Дима с настоятельным предложением зайти к нему вечером. Нехотя я пообещал.

За окном светило хилое солнце. Было сухо и, по-видимому, прохладно.

Посчитав оставшиеся от двадцатки купоны, я полез под ванну и вытащил следующую двадцатку.

Жизнь продолжалась. На завтрак у меня был чай с шоколадкой. Правда, хотелось мяса. Я нашел старую хозяйственную сумку, вытрусил ее в коридоре на пол – последний раз носил в ней картошку с базара больше месяца назад, – потом замел песок веником в угол у двери.

В ближайшем гастрономе я легко потратил остатки купонов. Этих остатков хватило на кило говядины, буханку свежего хлеба и пачку кефира. Уже дома, добавив к говяжьей косточке найденные на кухне пару картошин и три луковицы, я сварил свой самый легкий суп. Сварил и пошел в комнату. Просматривал старые журналы в ожидании грядущего аппетита. Он пришел около трех, и тогда я с удовольствием съел две тарелки супа, заедая толстой свежей горбушкой. Снова практически из ничего, из несложного супа с куском хрустящего хлеба возникло ощущение счастья.

И пришел ранний октябрьский вечер. Пришел не так, как приходил раньше. Без горящих уличных фонарей. Продолжалась очередная кампания по экономии электричества.

Я ехал на Подол, в кафе на Братской. Прямо на Контрактовой площади поменял доллары и снова с теплой пачкой купонов в кармане куртки шел вдоль трамвайной линии.

Из дверей и окон кафе выливался на улицу жидкий осенний свет. Вместе со светом вылетал из закрытых дверей смех и говор посетителей.

Очереди не было, хотя в первом зале все столики были заняты. Я заглянул во второй – там было где примоститься.

Подошел к стойке, заказал двойной кофе – полную чашку. И напомнил о ста граммах «Кеглевича», отпущенных мне в кредит.

– Тебя тут один парень разыскивал. Вроде твой одноклассник... – между прочим сказала «кофейница».

Я кивнул. Потом подумал о том, что «кофейница» не знает моего имени.

– А откуда вы знаете, что меня? – спросил я после минутной паузы.

– А у него твое фото было. Он теперь не в Киеве живет, проездом тут, вот и хотел найти...

Усевшись во втором зале с чашкой кофе, я понял, кто меня искал. Знакомое чувство немоты напомнило о себе. Задрожали руки. Я уже забыл обо всем, хотя прошло всего несколько дней. Отодвинув чашку, я оставил на стуле шарф и вернулся к стойке.

– Сто граммов «Кеглевича», – заказал я.

– Понравилось? – улыбнулась кофейница. – Тебе лимонного или дынного? Бери лучше дынный – вкуснее.

– Хорошо, дынный, – я кивнул. – А какой он из себя был, этот одноклассник?

– Обычный, – она пожала плечами, – невысокий, в темной кожанке. Ты не беспокойся, он тебя найдет. Ему кто-то то ли твой адрес дал, то ли сказал, где тебя искать...

– А он что, фотографию всем показывал?

– А сколько тут «всех» бывает? – снова пожала плечами барменша. – Человека три было, он им и показал. Он и сегодня заходил, но так просто, кофе попить. Сегодня про тебя не спрашивал.

Я вернулся к своему столику. Выпил дынного «Кеглевича». Сто граммов показалось маловато, и я взял еще двести.

Досидев до закрытия, я бродил около часа по Подолу, потом зашел в Димин киоск.

- Ну как у тебя? – спросил он.
- Нормально, – выдохнул я.
- Ты вроде «штуку» поднял, да? – сказал он, широко улыбаясь.
- Да, – я кивнул.
- Класс! На пустом месте! Так что теперь заживешь!
- Угу, – промычал я.
- Ты чё, пил уже?
- Немного.
- А со мной глотнешь?

Я снова кивнул.

Он достал водки. Закрывл двери и занавесил витрины. Налил.

– Теперь ты можешь долг отдать. Я бы подождал, но раз у тебя есть бабки, то лучше отдай сейчас...

Я попробовал сосредоточиться, но в голове висел пьяный туман.

Видимо, и в глазах моих было непонимание. Дима хмыкнул, выпил водки.

– Ты, видно, крепко сегодня ударил! Я про баксы, которые Косте отдал за твоего клиента, который жену у тебя увел. А вообще, если по-честному и по-деловому – ты мне еще десять процентов со штуки должен. Это же я тебе устроил...

Постепенно я понял, о чем шла речь. Я тоже выпил водки и решительно кивнул.

– Все отдам, – сказал я. – Завтра. Бабки дома.

– Мне что, – миролюбиво пожал плечами Дима. – Можешь завтра, можешь послезавтра. Как тебе удобно будет.

Было еще не поздно, когда мне стало плохо, и Дима нашел какого-то частника, согласившего отвезти меня домой и даже помочь войти в собственную квартиру. Язык мой уже не ворочался, но в глазах время от времени появлялась резкость, и в один из таких моментов я увидел зеленую десятку, протянутую Димой водителю.

Глава 15

Около полудня меня разбудил телефонный звонок.

– Это Костя, – сказал мне молодой голос. – Все будет в порядке. Я его нашел.

Я кивнул. Смысл слов с трудом пробирався в сознание сквозь туман вчерашнего пьянства, густо висевший в моей голове.

Уже звучали в трубке короткие гудки, когда я понял, что Костя нашел меня, ведь игра, как оказалось, не окончилась, и даже когда я не думал о ней, она продолжалась.

После двух чашек кофе и холодной ванны я почувствовал себя лучше. Во всяком случае, я уже мог спокойно думать о происходящем. Думал я на кухне. Несколько раз выглядывал в окно и рассматривал с высоты своей квартиры фигурки прохожих, выискивая среди них молодого человека в черной кожаной куртке. Но люди внизу шли по своим делам, и никто не вызывал у меня подозрения.

Вряд ли, думал я, он станет появляться при дневном свете. И уж конечно, убивать меня на глазах толпы тоже не станет. Скорее всего это будет вечер или ночь, так что днем я должен чувствовать себя в безопасности.

Мне уже не хотелось умирать. Жизнь продолжалась, в ней появился маленький и никому, кроме меня, не видимый смысл. Наступила свобода выбора действий, и то, что я выбрал две недели назад – меня уже не устраивало. Я хотел жить дальше.

Успокоившись и немного придя в себя, я вытащил из-под ванны баксы. Отсчитал пятьсот пятьдесят для Димы – мой долг плюс десять процентов. Теперь я становился намного беднее, но и на эти деньги можно было какое-то время жить, не задумываясь о будущем.

На улице снова было солнечно и прохладно. По дороге на автобусную остановку я заметил, что на деревьях не осталось зеленых листьев.

В Димином киоске у прилавка стояла старушка в длинном сером пальто с облезлым воротником. Он ей показывал китайский водяной пистолет.

Увидев меня, Дима кивнул.

– У внучка день рождения... – бормотала старушка. – А что на пенсию купишь...

– Ну бери за двести пятьдесят тысяч, – сказал нетерпеливо Дима. – Пятьдесят тысяч я тебе уже скинул!

– Спасибо, спасибо, сынок.

Старушка достала из кармана пальто носовой платок, развернула его и, выложив на стекло прилавка пачку десятитысячных, стала медленно их перекладывать, считая.

Дима закатил глаза к потолку, потом глянул на меня.

– Двести тридцать... – сказала старушка и тут же спохватилась. – У меня еще по тысяче есть, тут, где-то в другом кармане...

– Не надо! – почти крикнул Дима. – Бери за двести тридцать!

И он вручил ей водяной пистолет, как раньше вручали советский паспорт достигшим совершеннолетия.

– Спасибо, спасибо, сынок, – бормотала старушка, выпятываясь из киоска.

– Ну достала! – вздохнул Дима. – Что у тебя?

Я вытащил пачку долларов и протянул ему почти так же, как он протягивал старушке водяной пистолет.

– Тут пятьсот пятьдесят. С процентами... – сказал я.

Дима снова вздохнул. Ему, видно, не понравился мой тон.

– Послушай, – сказал он. – Ты еще не в себе, что ли, после вчерашнего? Похмелиться тебе надо. А потом, ты мне должен меньше.

– Как меньше?

Дима покачал головой и нормально, по-человечески улыбнулся – мне из-за этой улыбки тут же стало неудобно, хотя я и не понимал, что я сделал неправильно.

– Смотри! – сказал Дима. – Четыреста пятьдесят – это долг.

Я кивнул.

– После этого у тебя остается пятьсот пятьдесят. Вот из этих денег десять процентов, понимаешь?

Я пожал плечами.

Дима хмыкнул.

– Я всегда был против двойного налогообложения, – сказал он.

Потом вытащил из-под прилавка початую бутылку венгерской «Палинки» и две хрустальные стопки. Разлил.

– Ты что, обижаешься на меня? – спросил он, глядя мне прямо в глаза.

– Нет. Со мной что-то не то в последнее время. Извини.

– Ну давай, – он поднял стопку. – Чтобы все у тебя было в порядке.

Мы выпили, и я почувствовал, как внутри у меня что-то стало налаживаться, что-то внутри приходило в порядок. Я никогда еще так явственно не ощущал внутренние перемены, как в этот день.

– Хочешь совет? – спросил Дима. – У тебя теперь есть баксы. Надо их раскручивать. Ты же не собираешься завтра умирать, а чтобы жить – всегда нужны бабки. Понимаешь? Есть несколько вариантов. Самый ленивый из них – отдавать баксы под месячные проценты. Только не во всякие там трасты и фонды – эти сбегут с твоими баксами через месяц. Есть люди, я тебя познакомлю, нормальные люди. Они берут у тебя баксы под десять процентов в месяц, а сами отдают лохам под залог недвижимости под пятнадцать процентов. Понимаешь? Если лох платит проценты, то тебе – десять, а им – пять. Если лох не платит, то его хату или гараж забирают и продают. И тогда тебе все равно десять, а им двести. Но это их работа, а ты ни хрена не делаешь. Сидишь только и книжки читаешь. А?

Я кивнул и пообещал подумать.

– Когда ты уже начнешь жить по-человечески? – вполне миролюбиво заметил Дима и налил по второй стопке.

Еще засветло я вернулся домой. Вытащил из кармана баксовую «сдачу», полученную от Димы, и оставил на кухонном столе. Потом уже разделся.

Мне теперь надо было бояться темноты. Это я уже понимал.

В самой ситуации, мною же созданной, был какой-то горький юмор. Из-за случайности я продолжаю жить, но за мной продолжается мною же организованная охота, которую я не знаю, как отменить. И можно ли отменить? Можно ли рассказать Диме обо всем? Тогда, может быть, он сам доплатит Косте или кому-нибудь, чтобы довели дело до конца, ведь выходит, что я его дурачил с любовником жены, дурачил Костю, играл с ними, как с шахматными фигурами. Нет, надо было находить другой выход или же просто затягивать игру и таким образом продлевать день за днем свою жизнь. Но и это мне не нравилось. Хотя теперь я дорожил каждым днем своей жизни.

На улице начинался вечер. Мне хотелось поехать на Крещатик, найти Лену и привезти ее домой. Но больше хотелось жить, и я просто сел в кресло у телефона и стал ждать ее звонка.

Она действительно позвонила примерно через полчаса. И даже согласилась приехать, только попросила встретиться ее у выхода из метро. Я пообещал и только потом, когда уже трубка лежала на аппарате и до встречи оставалось полчаса, подумал о том, как легко я дал это обещание. Видно, продолжалась еще инерция ощущения безопасности жизни. И инерция эта была настолько сильна, что, даже одеваясь, я не чувствовал страха перед выходом на вечернюю улицу, где меня за любым деревом или углом мог поджидать молодой человек в черной кожаной куртке.

Но, уже идя к автобусной остановке, я чувствовал кожей этот страх. И уши мои улавливали самые обычные вечерние шумы с каким-то подчеркнутым подозрением к ним. Какие-то двести метров от парадного до автобусной остановки лишили меня энергии, и на лбу выступил пот, будто я не прошел это расстояние, а пробежал из последних сил. В автобусе я отдышался. До метро было десять минут езды.

Возвращаясь под ручку с Леной с автобусной остановки домой, я чувствовал себя увереннее. Идти вдвоем было не так страшно.

Всю ночь мы любили друг друга с перерывами на разговоры в темноте. В этой темноте мне было очень уютно, даже когда мы оба молча лежали, прижавшись друг к другу.

– А ты бы на мне женился? – спросила вдруг Лена с иронией в голосе.

– нет, – ответил я. – Я бы тебя лучше удочерил.

– Тогда бы тебя посадили, – засмеялась Лена.

И ее звонкий смех, чуть приглушенный темнотой, звучал сладко и успокаивающе.

Я долго думал уже под утро, когда она мирно спала, свернувшись по-детски калачиком, думал о причине возвращения ко мне самоуверенности в те моменты, когда Лена находилась рядом. Наверно, я воспринимал ее, как своеобразного ангела-хранителя, или же смесь этого ангела с телохранителем. Ее доброе чувство охраняло меня, создавало вокруг меня какой-то защитный невидимый слой. Словно она была моей биосферой. Видно, она чувствовала то же по отношению ко мне.

– Ангел-телохранитель... – прошептал я и улыбнулся. Это сочетание мне понравилось, оно несло в себе соединение добра и защиты, добра и силы.

Я протянул к ней руки, не обращая внимания на ее сонные протесты, повернул ее к себе и обнял. И заснул, чувствуя себя в полной безопасности.

Глава 16

Днем, оставшись один, я снова и уже всерьез задумался о своей безопасности. Чтобы мысли работали конкретнее – вышел и купил в киоске у гастронома свежую газету объявлений. Нашел раздел «Услуги». Там, среди десятков сантехников и укладчиков паркета, я нашел две охранные фирмы. Рука потянулась к телефонной трубке. Я набрал первый номер.

– Алло, фирма «Топсан», – пропел приятный женский голосок.

– Извините, – сбивчиво заговорил я. – Мне может понадобится телохранитель... Что для этого надо?

– Вы можете подъехать к нам, и мы с вами заключим договор.

– А сколько это будет стоить?

– У нас разные расценки, в зависимости от конкретных охранных услуг. Начиная от пятидесяти долларов.

– В месяц?

– В день, – поправила меня женщина.

Я поблагодарил ее и опустил трубку на место. Платить пятьдесят долларов в день за собственную охрану не имело смысла – хватило бы на дней семь, а потом что?

Я вздохнул. Уселся в кресле поудобнее и стал просто просматривать газетные объявления. Объявления оказались хорошим успокоительным средством – когда я их читал, возникало ощущение совершенно нормальной жизни – кто-то строил дома и дачи, кто-то другой разводил нутрий, третий выращивал редкие сорта роз и предлагал их семена по почте всем желающим. И даже в разделе «Одинокие сердца» все были хорошие, непьющие и некурящие и искали себе таких же. Мир вырисовывался настолько идеальным, что хотелось быть его вечным жителем.

Ознакомившись с желаниями людей купить то, чего у них нет, или продать то, что есть, я внезапно набрел на объявление совершенно иного свойства, выбивавшееся из общего бюргерского контекста.

«За крупное вознаграждение готов выполнять поручения, связанные с риском для жизни».

Вместо телефона был приведен только адрес: Ирпень, Советская улица, 87.

Уже следующим утром в стоячем грязном вагоне электрички я приехал в Ирпень. Быстро нашел Советскую улицу и пошел по ней, сверяя свой путь с номерами домов.

Минут через десять я остановился перед калиткой, на которой висел нужный мне номер. Дом оказался глубоко во дворе, за старым неухоженным садом, и тоже был старый и неухоженный. Обойдя его, я нашел входную дверь, обитую жестью. Постучал.

Через минуту в доме возник какой-то шум. Что-то стеклянное упало и покатилося по деревянному полу. За дверью послышались шаги.

– Кто? – спросил сиплый мужской голос.

– По объявлению.

Дверь открылась, и из проема выглянуло опухшее небритое лицо мужика лет сорока с лишним. Он вдохнул свежий уличный воздух и как-то приободрился.

– Заходи! – сказал. И сам, повернувшись, пошел в дом.

Я закрыл за собой дверь на задвижку и пошел следом за ним.

В комнате стоял затхлый запах. Все поверхности были покрыты кружевами. На стенке висел парный фотопортрет стариков.

– Ну? – спросил меня уже усевшийся за покрытый такой же кружевной белой скатертью стол хозяин.

Я подошел, протянул ему руку. Сказал: «Толя».

– Ваня, – сказал он. – Ну?

Его нуканье меня начинало раздражать. Но я решил сдержаться и сразу перейти к делу.
– Меня хотят убить, – сказал я.

Он хмыкнул.

Мне показалось, что в более глупой ситуации, за исключением, пожалуй, только той, в которой я уже находился, я еще не бывал. Я встал из-за стола, чтобы развернуться и уйти.

– Ты чего? – удивленно просипел Ваня. – Я ж тебя слушаю...

– Давай лучше я тебя послушаю, – предложил я. Благо, настроение ухудшалось, и в таком настроении легко было быть грубым.

– А чё тебе рассказать?

– Расскажи про себя, что ты можешь делать.

– Я все могу... Я в армии прапором был, в Афгане... Я уже грузы сопровождал, машины из Германии перегонял, в разборки ходил...

Интересно, что его сильный голос очень подходил к его внешности и даже к одежде, которой, правда, на нем почти не было – только тельняшка и «динамовские» спортивные брюки с двумя белыми лампасинами.

– А ты понял, что я сказал?

– Да, – выражение лица Вани было уже серьезным и деловым. – Понял. Могу взяться.

– За сколько?

Ваня пожевал губами, окинул взглядом меня, мою одежду – видно, вычислял, сколько с меня можно запросить.

– Ну, если без подстраховки... пятьсот зеленых.

– Много, – сказал я.

– Ну четыреста... – просипел он, глядя мне прямо в глаза.

– Могу триста пятьдесят, – предложил я голосом очень уставшего человека.

Торговаться я научился на частниках, подвозивших меня от метро к дому.

– Ладно, – согласился Ваня. – Рассказывай.

Я не стал его утомлять всей предысторией. Наоборот, сказал ему, что это старые счета, которые со мной хочет свести один бывший партнер по делам. Описал его со слов барменши.

– Так чё, он в кафе тебя подждал, значит, – задумчиво закивал Ваня. – Ясно. Хорошо. Аванс будет?

Я отрицательно мотнул головой.

Это его не очень огорчило.

Он сидел, поглаживал рукой свою небритую правую щеку и думал.

Минут через пять его худое лицо еще больше вытянулось, он задумчиво сдвинул брови, посмотрел на потолок. Полез рукой под тельняшку, почесал себе левую ключицу.

– Все ясно, – просипел он.

– Что? – спросил его я.

– На живца надо.

– На какого?

– Ну ты ему нужен? Значит, на тебя его и брать надо...

Логика в его словах была, но смысл мне не нравился.

– Понимаешь, если он где сидит и затаился, то на меня он не выйдет, я для него – пустое место. А на тебя он выйдет. Ты ему нужен.

– А если он успеет?

– Это моя забота, – оборвал меня Ваня. – План готов. Завтра покажешь это кафе и на месте все решим.

Мы договорились встретиться на Подоле в одиннадцать утра и на этом расстались.

Глава 17

Ваня, несмотря на свою внешность и место жительства, оказался пунктуальным. Ровно в одиннадцать он подошел ко мне. Сам бы я мог его и не узнать – одет он был в джинсы и в полнившую его зеленую пуховую куртку. Даже его лицо выглядело свежим, может, из-за выбритости.

– ну? – сказал он вместо приветствия.

Я кивнул.

И мы пошли на Братскую.

Кафе только открылось, и «кофейница» попросила подождать минут десять, пока нагреется кофеварка.

– Может, пока по сто граммов? – предложила она.

– На работе не пью, – отрезал Ваня.

Я присел за «свой» угловой столик. Ваня прошел во второй зал, вернулся. Сел рядом.

– Угу, – пробурчал себе под нос.

Потом посмотрел на меня.

– Я скоро вернусь, – сказал и вышел.

Я остался один в кафе. «Кофейница» ушла во внутренние лабиринты. Негромко гудела, нагреваясь, кофеварка.

Двери на улицу были закрыты. В этой тишине и сам я старался даже тише дышать.

Вдруг раскрылась дверь – я вжался в стену – и в кафе заглянул мордатый мужик в грязной бежевой куртке и вязаной черной шапочке на голове.

– Валя! – крикнул он.

«Кофейница» выплыла из подсобки.

– Тебе водку завозить сегодня?

– Нет, еще есть. Привези ящик «Амаретто».

Мужик кивнул и вышел.

«Кофейница» проверила кофеварку.

– Тебе двойную? – спросила меня.

– Да.

– А приятелю твоему?

Я пожал плечами.

– Придет, тогда уже...

Я взял со стойки свой кофе.

Тишина раздражала. Я чувствовал себя напряженно, и это напряжение сковывало мои мускулы, мои руки, мое лицо, словно они были обморожены.

Над чашкой поднимался пар.

Чего-то не хватало здесь. Отсутствовало то, чего я не любил, но к чему привык, потому что это нечто было составной частью кафе, как водород – необходимой составной частью воды. Наконец я понял, что это.

– Валя! – позвал я «кофейницу» первый раз по имени.

Странно, что на протяжении стольких лет она была для меня безымянной!

– Валя! Поставь музыку!

– Шуфутинского? – спросила она совсем по-домашнему.

– А что еще есть?

Она наклонилась к магнитофону. Я услышал, как она взяла в руки несколько кассет.

– Аллегрова, – читала она, не поднимаясь над стойкой. – Алена Апина, Киркоров, братья

Гадюкины...

Набор был очень патриотичным.

Я выбрал Апину. Мне нравились ее телевизионные веснушки.

– Только не очень громко, – попросил я.

– «Два кусочка колбаски...» – запела певица, и напряжение меня отпустило.

Я отпил глоток кофе. Полегчало.

Снова открылись двери кафе, но я уже не испытал того испуга, что в первый раз.

Вернулся Ваня. Сел напротив.

– Кофе будешь? – спросил я.

– нет. Пошли!

– Сейчас, допью.

Ваня терпеливо ждал. А я не хотел допивать кофе одним глотком.

Когда мы вышли из кафе, Ваня повел меня во двор соседнего дома. В этом заброшенном дворе лежал остов «жигулей», за ним был мусорник, а дальше, за мусорником, стоял выселенный трехэтажный дом, видно, уже не надеявшийся на капремонт. Одни лишь внешние стены и кучи осыпавшихся перегородок, балок и кирпичей внутри.

Тут Ваня остановился.

– Слушай, – сказал он. – Мы будем теперь каждый вечер с пяти и до закрытия в кафе. За разными столиками. Если он появится, ты выходишь и идешь как бы отлить. Сюда, в это место между мусорником и домом. Он выходит за тобой, я – за ним. Ясно?

Я кивнул.

– И еще. Сразу на месте полный расчет, чтобы я тебя уже не видел. Носи бабки с собой.

Эта идея, как, впрочем, и сам план, мне не нравилась, но было видно, что спорить с Ваней не имеет смысла. Теперь он командовал, и казалось, он знал, что надо делать, лучше меня.

– Когда начнем? – спросил я.

– Сегодня. Зачем растягивать. Лишний раз на электричке трястись! В пять вечера – в кафе.

Я поехал домой. Принял ванну и пообедал.

Прилег отдохнуть.

Лежал и думал о вечере. Об этой ловле «на живца». В самом этом выражении было явное неуважение к «живцу», то есть ко мне. Я был чем-то мелким, вроде «червячка», на которого хотели поймать крупную рыбу.

Время шло медленно.

В четыре я вышел из дому. Уже темнело.

Мое место в кафе оказалось занятым. Я взял свою обычную двойную половинку и уселся за ближний к стойке бара столик.

Краем глаза заметил Ваню. Он сидел у входа. Перед ним на столе стоял стакан и открытая бутылка пива.

«На работе не пью», – вспомнил я его утреннюю фразу.

Окинув взглядом первый зал, я понял, что Кости здесь нет.

После второй двойной половинки во рту загорчало. А до закрытия оставался еще час. Было нудно сидеть и ничего не делать. Я взял сто граммов «Кеглевича». Теперь сиделось легче. Мелкие глотки дынной водки мгновенно убили кофейную горечь во рту. Время потекло чуть быстрее.

Около семи «кофейница» стала выпроваживать посетителей.

Мы с Ваней оказались последними.

– Иди в сторону метро, – прошептал мне Ваня в дверях.

Я пошел. Вечерняя темнота окутывала улицу. Мои ботинки гулко стучали по асфальту, и как я ни старался, а тише идти не получалось.

Повернул налево и пошел вдоль белой стены Могилянской академии. Впереди, в пятидесяти метрах, лежала Контрактная площадь, освещенная и фонарями, и плывущими огнями автомобильных фар.

Ваня догнал меня уже у входа в метро.

– Завтра в пять там же, – сказал он и нырнул в подземный переход.

Глава 18

Шел третий вечер ловли «на живца». «Живец» к этому времени подустал. Во рту горчило от одного вида кофе. Собственно, кофе я уже не пил – решил сделать перерыв, во время которого пил напитки покрепче. Так и ждать было легче, и какое-то расслабление наступало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.